

– Наличие у Державина личного «живого Бога», а не абстрактного «Бога философов и ученых» (Б.Паскаль).

– Приверженность поэта постулату практического разума.

– Признание поэтом моральной религии как истинной религии, то есть «познание всех наших обязанностей в качестве божественных заповедей» (И. Кант).

Религиозные гимны поэта обнаруживают адекватность всем перечисленным выше постулатам. Это жанр религиозно-обличительных од, представляющих по большей части переложение библейских псалмов. В них содержится пафосный призыв поэта к небесным громам на «неправедных и злых» – сильных мира, «земных богов».

Литература

Аверинцев С. С. Поэты / С.С.Аверинцев. – М.: Издательский дом: «Языки русской культуры», 1996. – С.56-64.

Благой Д. Д. Державин / Д.Д.Благой // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. — М.; Л.: Изд во АН СССР, 1941 – 1956. – Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2, 1947. – С. 383-429.

Отражение метафизического восприятия действительности в творчестве Державина

И.А.Бисько, К.Т.Бисько

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(Санкт-Петербург)

Ключевые слова: метафизика, орфическая космогония, аполлонизм, дионисийство

Предварительно заметим, что космизм поэзии Державина имеет метафизическое содержание, то есть признаки орфической космогонии. На ее базе имеют место две модификации: двусоставная или трехсоставная. В первой из них возможны следующие варианты: небо – земля, духовное – материальное, созерцание – делание, бесконечное – конечное, вечность – мгновение, иррациональное – рациональное, житие – бытие, быть – казаться, идеальное – реальное и др. В философии это нашло отражение в толкованиях дуальных универсалий: мир идей и мир действительности (Платон), Бог и дьявол, дух и материя, природа и дух, душа и тело, мышление и протяженность (Декарт), ноуменальное и феноменальное (Э. Кант), чувственное познание и разум, мир земной и мир потусторонний, духовная и материальная субстанции (Х.Вольф), различение добра и зла (Т. Хайд) и др.

Трехсоставная модификация возникает из двусоставной путем разложения духовного на две части: интеллектуальное – духовно-нравственное, знание – вера, мужское начало – женское начало, «жизнь ума» – «жизнь сердца». Таким образом, двусоставная модель (духовное – материальное) превратилась в трехсоставную: «жизнь ума» + «жизнь сердца» + «жизнь тела»; интеллектуальное + духовно-нравственное + материальное.

С метафизических позиций рассмотрим фрагмент из оды Державина «Бог» «Я царь – я раб – я червь – я Бог!» Первый компонент «Я царь» можно связать с идеей самовластия человека (И.С. Пересветов), как способность преодоления добром зла (Максим Грек).

Метафизическую трактовку второго компонента «я раб» целесообразно понимать в контексте мысли А. Шопенгауэра о том, что человек является марионеткой в руках мировой воли. Дабы не стать самоутверждающимся эгоистом, человеку необходимо выйти из-под диктата мировой воли. Самыми эффективными способами освобождения от такого диктата философ считал нравственные способы. Можно допустить и другое объяснение компонента «я раб» – чисто бытийное, как зависимость человека от инстинктов жизни («Сегодня властвую собою: А завтра прихотям я раб»).

Что касается третьего компонента «я червь», то его метафизическую сущность можно объяснить недолговечностью всего материального, что есть в человеке и в его жизни. Как видим, все преходящее связано в метафизических универсалиях со вторым элементом указанных дуальных универсалий («материальное», «земля», «миг», «конечное», «казаться», «рациональное», «реальное», «деланье» и др.).

Подчеркнем, что метафизическая сущность последнего компонента «я Бог» соотносится с вечным и непреходящим в человеке (в метафизике – это «духовное», «небо», «вечность», «бесконечное», «быть», «иррациональное», «идеальное». «созерцание» и др.). Отражение идеи о пребывании в вечности мы находим в стихотворении Державина «Памятник».

Содержание орфической космогонии в интегрированном виде представлено в аполлонизме и дионисийстве Державина. Их взаимодействие в его поэзии не имеет характера антагонистического противостояния, но выражает цельность и единство. Известно, что интегрированными метафизическими символами двуединства жизни и мира считаются Аполлон и Дионисий. Они олицетворяют две силы, концентрирующиеся в глубинах сознания человека. У Державина как представителя классицизма, воплощающего идеи Древней Греции, по существу обнаруживаем оба – аполлоническое и дионисийское – начала. Державин идет через аполлоническое восприятие жизни к нравственному идеалу правителя, Подобные этим требования по сути дела поэт предъявляют к людям любого звания и ранга, а также к самому себе.

Дионисийство Державина как радость восприятия земного бытия означает путь человека, который прошел через тернии жизни к звездам. Антитеза радости земного бытия у Державина – «Жизнь смерти тленно семя. Что жить? – Жить – миг летяща время Едва почувствовать, познать, Познать ничтожество, страдать».

Следует отметить, что в дионисийстве Державина обнаруживается еще одна линия – анакреонтизм. Если «дионисийское» по своей сути есть радость восприятия земной жизни, то в «анакреонтизме» заложена идея снятия тяжести земного бытия. И поэт уже не желает «выючить бремя должностей», воспринимать брань других за то, что он идет прямой стезей. Он готов переложить тяжесть государственного бытия на плечи других – «пусть другие работают» (стихотворение «К самому себе»). Этот мотив перекликается с идеей о снятии культурных одежд в наиболее сложные периоды жизни человечества или самого человека. Подобный критический момент в жизни Державина наступил, когда негативное давление внешних обстоятельств превысило силы его сопротивления. Он, чтобы не быть раздавленным, снимает с себя невыносимую тяжесть бытия. Такая позиция Державина отлична от мировосприятия, например, Ф.Достоевского, для которого бремя тяжести бытия – нести свой не снимаемый крест на Голгофу – является неизбежной платой за жизнь. Бросить и убежать от тяжести бремени бытия для Достоевского неприемлемо, поэтому герои его произведений делятся на тех, кто смиренно несет свой крест жизни, и тех, кто бунтует против несения этого креста.

Итак, анакреонтическая поэзия Державина отмечена следующими чертами: опрощение как и у Льва Толстого; плавный переход Державина из образа Аполлона в образ Диониса с его внутренней свободой и погружением в земные радости жизни; смелое введение в анакреонтические по духу песни национального и реалистического колорита; противопоставление деревенской и городской жизни.

К указанным чертам следует добавить также хроникальность и документальность образов, когда лик истины не покрывается литературным гримом. Образно говоря, только в том случае, когда буквы в поэзии наливаются живой кровью, а не типографской краской, только такая поэзия позволяет поэту создать особенный, не повторяющий действительность, а продолжающий ее [Михайлов 1977: 323].

Однако злободневность поэзии Державина в ряде случаев оборачивается и другой стороной: множество намеков и символов, понятных в XVIII веке, теряют ясность, становятся непонятными или неактуальными для читателей другого времени.

Можно сделать вывод о том, что метафизическая цельность восприятия жизни является основным методом творчества Державина. Достижение метафизической цельности в поэтике Державина происходит также за счет смешения метафизических начал:

– Вероятно, Державин для усиления идеи единства составляющих аспектов аполлонического и дионисийского начал прибегал к использованию метода Платона смешения беспредельного и предела. Дело в том, что в поэзии 50-х. и 70-х. гг. XVIII в. имела место борьба двух традиций – «высокой» традиции Ломоносова, и прямо противоположной ей традиции А.П. Сумарокова, восставшей против «громкости», «витийства» и напыщенности – «надутости» – од Ломоносова, требующей «простоты» и «естественности» языка и стиля.

– Поэзия Державина обнаруживает широкий тематический охват: философская лирика с трагической антитезой жизни и смерти, анакреонтические мотивы (дионисийский характер поэзии, гедонистическая проповедь «мудрого» наслаждения), военные оды.

– Творчество поэта характеризует широкое жанровое многообразие: драматургия (ряд трагедий), хвалебные и философские оды, сатира, религиозные гимны, трагедии, драмы, комедии, оперы.

– Единство и целостность поэтического стиля обеспечивают три основных метафизических ипостаси: природа, метафизика, Бог.

Литература

Благой Д.Д. Державин / Д.Д.Благой // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. — М.; Л.: Изд во АН СССР, 1941-1956. — Т. IV: Литература XVIII века, Ч. 2. — 1947. — С. 383-429.

Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф.Лосев. — М.: Мысль, 1993.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура / А.Ф.Лосев. — М.: Политиздат, 1991.

Михайлов О. Державин / О.Михайлов. — М.: Молодая гвардия, 1977.

Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф.Ницше // Ницше Ф. Соч. — Т.1. — М., 1990.

Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. / А.Шопенгауэр. — Т.I. — М, 1910. — С.342-343.

Г.Р.Державин о Петре Великом (в контексте литературной культуры XVIII века)

О.М.Буранок

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
(Самара)

Ключевые слова: литературная культура XVIII века, Г.Р.Державин, Петр Великий

Личность Петра, Петровская эпоха – особая тема в русской литературе, начиная с XVIII в. Художественная, критическая, научно-популярная литература по этой теме ог-